

АЛЁНА БЕЛОУСЕНКО

ДОЧКИ-МАТЕРИ

РАССКАЗ

Глухо стучит мамино сердце под сорочкой. Олеся приникла головой: тук...тук...тук....

У девочки Саша из параллельного класса умер папа. Учительница сказала, что остановилось сердце...

Олесе не было жалко Сашу, с которой она и раньше мало разговаривала и которую с тех пор стала совсем избегать. Она чувствовала только жуткое удивление.

Тук...тук... стучит, но будто медленнее. А если остановится? От этой мысли Олеся приподняла голову и через мгновение плотнее зарылась под мамино крылышко. Мама так называла свою руку и, когда Олеся плакала, приглашала "под крылышко", а потом ласково убирала с лица спутанные волосы... В голове всё сдавило от подступающих слёз. Мама молодая, даже бабушка у них ещё жива. Мысль, что бабушка жива, немного обрадовала Олеся, ведь мама не может умереть раньше неё.

Саша появилась в школе через две недели. Деньги, которые собрали её маме, она взяла. Олеся не знала, сколько было денег, но ей немного захотелось, чтобы у неё тоже умер папа. Ей бы этих денег на многое хватило. На летающую фею из рекламы. И ещё на что-нибудь.

Олесин папа давно ушёл от них. От неё не скрывали, что он живёт с другой тётёй и покупает игрушки другим деткам. Олеся понимала, когда

БЕЛОУСЕНКО Алёна родилась в городе Удомля Тверской области в 1992 году. Окончила МГУ им. М. В. Ломоносова (экономический факультет). Студентка Литературного института им. М. Горького (семинар М. П. Лобанова) с 2012 года. Лауреат фестиваля-конкурса "Хрустальный родник" (2015), ежегодной премии сайта "Российский писатель" в номинации "Новое имя" (2015), победитель конкурса фестиваля "Во славу Бориса и Глеба" (2016). Публиковалась в журналах "Наш современник", "Волга 21 век", "Польмя" и др. Живёт в Москве.

по телефону мама разговаривала именно с ним, — тогда мама ругалась и говорила, что Олесю кормить нечем. Олесе от этих слов становилось до горищи обидно, и она сразу же начинала кричать из комнаты: “Мама-а, не-ет!” Мама строго цыкала на неё, прислоняя трубку к груди: “Олеся, тихо ты!” Олеся тут же прибежала на кухню и, стуча кулаками по маминым бёдрам, отчаянно требовала: “Скажи, что я не голодная, мамочка, нет!” Мама ещё больше злилась на папу и вскоре бросала трубку...

“Олеся, перестань вертеться, завтра не встанешь”, — вдруг пробурчала мама.

От строгого маминого голоса все страхи вмиг исчезли. Притихнув и закрыв глаза, Олеся заснула.

Мама проснулась в семь. Олеся слышала будильник, но знала, что её разбудят позже. На кухне загудел чайник, потом зашипело на сковородке масло. Эти звуки теплом растекались по телу. Они были вестником самого важного — мама не умерла, не сейчас. И не хотелось ни засыпать, ни просыпаться, а только дремать с этой солнечной мыслью.

У соседей через стенку заиграла иностранная песня. Олеся смогла понять только “love” и “my”. Увлекаясь танцевальным ритмом, она застучала пальцами по матрасу, будто по клавишам фортепиано, но легче и небрежнее. Песня предвещала ещё неизведанное веселье и вела в будущее, была самым будущим — загадочным и счастливым.

Готовя на кухне, мама тоже услышала эту песню сквозь звуки шипящего масла и утреннего цапанья метлы по асфальту, доносившегося из окна. И ненадолго вспомнила школьное время, когда эта песня только вышла в эфир. “Почему сейчас всё не так, как представлялось?” — подумала она вскользя. Но попытка ответить на этот вопрос вызвала только прилив тоски, и мама в очередной раз сделала вывод: молодость просто обманула её.

Мама взяла из косметички зеркальце, чтобы успеть накраситься. К тридцати годам она выглядела старше своего возраста, и её это огорчало. Разве только упругую и высокую грудь по-прежнему не покидали молодые силы. И внутри самой мамы до сих пор жила молодая искорка. Она разжигала огонь, когда мама нравилась мужчинам, когда ей дарили подарки и подвозили из клуба домой. Эта искорка родилась в девичестве и всё ещё не перегорела.

— Олесь, вставай, — поцеловала она дочку в лоб.

Олеся сделала вид, что спит, мама начала злиться.

— Если не проснёшься, оставлю тебя здесь! Всё, — мама встала с кровати и, не колеблясь, направилась к двери.

Прикидываться спящей Олесе уже не хотелось, ведь в школу всё равно бы пришлось собираться или ещё хуже — оставаться дома одной. Но и просто так встать она не могла. Олеся надеялась, что мама ещё раз ласково погладит её по лбу и вкрадчиво и нежно попросит встать. Уже сожалея о своей игре, она будто чувствовала на себе мамину нежную руку и тёплый поцелуй.

— Ты портфель собрала? — крикнула мама из кухни.

Олеся нечаянно ответила: “Да!” — и обрадовалась, что нехотя обнаружила себя.

— Проснулась, наконец, — мама зашла в комнату. — Одевайся быстрее и блины кушать.

На обеденном столе осталась лежать мамина косметичка. Прозрачный мешочек, заляпанный кое-где фиолетовыми тенями и чёрточками туши. Силуэты волшебных тюбиков с английскими буквами приковали Олесин взгляд. Хорошо бы сегодня после школы попробовать всё это до маминого прихода. Когда-то давно Олеся уже пробовала накраситься помадой, но на ней она смотрелась совсем не так, как на маме. Сейчас же она почувствовала в себе больше умения и сноровки.

— Посмотрим сегодня, что у тебя по русскому будет за четверть, — сказала мама будто по привычке, и вспомнила, что вечером нужно пораньше уйти с работы и отвезти ребёнка к бабушке. Ещё успеть собраться — в семь подъедет Паша.

У Олеси опустилось сердце... Она знала, что у неё будет “три”. Свёрнутый в трубочку блин стал каким-то чужим, словно это не её вовсе блин, а другой девочки, а она, Олеся, не имеет права макать его в сгущёнку и есть.

Закончился последний учебный день. По русскому поставили “три”. Олеся на другое и не надеялась, разве только самую малость. Вернувшись домой и сбросив грузный портфель в коридоре, она начала, торопясь, искать место, куда можно было бы спрятать дневник. Но в маленькой однушке не находилось ни одного шкафчика, который мама не могла бы случайно открыть.

Взывая к летней неге и беспечности, сквозь оконное стекло проникли толстые весенние лучи. Олеся присела. На обеденном столе продолжала лежать мамина косметичка. На мгновение стало даже легко и весело, словно тройки и не было. Олеся давно хотела попробовать намазаться тушью. Взяв мамино зеркальце, она провела толстой чернявой кисточкой по ресницам, но тут же задела глаз и закрутила тушь обратно. Ещё рано. Настоящая жизнь ещё впереди. Когда она станет старшеклассницей, а мама начнёт покупать ей лифчики и туфли на каблуках, а в школу разрешит ходить с распущенными волосами.

В коридоре послышались шаги. Олеся быстро положила косметичку на место.

— Олеся, сейчас кушать и к бабушке, — сказала мама с порога.

У бабушки всегда полный вкусностей холодильник и свободный компьютер, на котором можно сколько угодно смотреть мультики. От радостной новости Олеся забыла про дневник.

Посмотрев на дочкины туфли, мама вспомнила, что забыла купить Олеся сандалии. Бабушка начнёт ворчать... Мама недовольно вздохнула.

Бабушке шёл уже седьмой десяток, и сказать, что она выглядела моложе своих лет, нельзя было. Она продолжала работать в кассе на вокзале, хоть и брала уже только половину смены. От долгого сидения поясница ныла так, что её потом невозможно было размять, да и пошатывало иногда от усталости по дороге домой.

Когда пришли Олеся с мамой, бабушка хозяйничала на кухне.

— Это мы, — сказала мама, заходя в квартиру.

— Ага, проходите, — сказала бабушка, переворачивая котлеты. — Надо долго ли теперь? — спросила она бессильным голосом.

— До завтра. Я пораньше зайду, — ответила мама, торопясь уйти и уже целуя Олеся на прощание.

Бабушка слегка покачала головой, мол, знаю я, как ты пораньше зайдёшь, прогуляешь до утра, проспишь до обеда и придёшь к вечеру, если не на следующий день. Ребёнок каждые выходные у бабки, матери не видит и домой идти не хочет. Да разве такое возможно, чтобы ребёнок к матери родной не хотел домой идти?

— Покормила хоть?

— Она ничего не съела почти, пару ложек супа только.

Олеся, нахмурившись, замычала на “неё”, но больше для вида, так как кушать уже хотелось.

— Пошла я.

— Давай, давай, — уже в закрытую дверь сказала бабушка. — А мы с тобой обедать будем, — обратилась она к внучке.

Олеся долго стояла в ванной и намыливала руки новым, только что развёрнутым бабушкой хозяйственным мылом, смотря на себя в не заляпанное, как у них, засохшими каплями зеркало.

Бабушка намазала на котлету сметану. То ли от голода, то ли сметана действительно делала мясо вкуснее, но Олеся подумала, что теперь будет просить маму готовить именно так.

— Как в школе дела?

У Олеси всё опустилось. У неё же тройка по русскому! Где она оставила дневник?! Она же его не успела спрятать... Он остался на столе — мама его найдёт.

— Нормально, — попыталась непринуждённо ответить Олеся.

“Несчастный ребёнок, — подумала бабушка, — с утра встаёт, учится. Так ещё дома мать не кормит и по мужикам чужим бегает. Неужто мы так раньше жили, дед? — переведя взгляд на портрет умершего мужа, стоявший рядом с иконами, подумала бабушка. — За что мне одной на Настькины несчастья смотреть?”

Олеся привыкла, что бабушка часто молча разговаривала с портретом, и в такие моменты старалась не смотреть в её сторону, как будто бабушка делала это тайком от неё.

“Подрастёт немного Олеська, и мне к тебе уж можно будет на покой”, — обдумав ещё что-то, прошептала бабушка.

Мама едва успела собраться. Приготовила мясо, приняла душ, ещё раз нарядилась и сменила постельное бельё. Обвела взглядом давно немыйтый пол: “Много чести будет!” — и не стала убирать. На столе в прихожей лежал Олесин дневник.

“Ну-ка, ну-ка, неужели ей четыре всё-таки поставили, раз она на виду его оставила”, — подумала мама, открывая его. Но там стояла тройка.

“Значит, оставила, чтобы я узнала в её отсутствие. Но так, может, даже умнее. Я в детстве обычно прятала”.

Паша приехал с пустыми руками. Мама встретила его с едва скрываемым недоумением. Он это заметил, но сам продолжал широко улыбаться.

— Привет, сладкая, — притянул он её за талию.

“Да ты, я смотрю, уверен в себе”, — подумала мама, слегка отстраняясь.

Возле порога лежали тапки, оставшиеся от мужа. Она специально достала их для Паши, но сейчас обуть не предложила и прошла в комнату. Сев в кресло, начала рассматривать себя в зеркало, висевшее на стене напротив. Она была в однотонном синем платье без лишних деталей, которое, несмотря на это, очень выигрышно подчёркивало её фигуру. Закинув ногу на ногу, она села так, чтобы побольше оголить ногу из-под платья.

“Посмотрим, что ты будешь делать”, — злорадно подумала она.

— Девчонка-то не придёт? — разуваясь, спросил Паша.

Мама сначала не поняла, про какую девчонку он говорит. Но заметив, что он смотрит на Олесин портфель, оставленный в коридоре, догадалась. Она и так чувствовала себя униженной из-за того, что постаралась, приготовила мясо, купила дорогой торт, а он пришёл с ней переспать, даже не удосужившись купить цветы или бутылку вина. А теперь ещё позволяет себе её дочь называть “девчонкой”!

— Мою дочку зовут Олеся. Это её дом, когда захочет, тогда и придёт.

— Как бы не в тот момент-то не пришла, — сказал Паша, смеясь совсем простодушно и без злобы. — Я в туалет зайду?

— Вон там, — показала мама.

Да что же он вздумал про себя такого! Неужели он считает, что раз у меня ребёнок, я кинусь на любого, лишь бы взял?

Выйдя из туалета, Паша не знал, что говорить, и продолжал улыбаться.

— Суп будешь?

Паша помялся.

— Может, что-нибудь выпьем? — спросил он, подсмеиваясь.

— А ты что-нибудь принёс? — ликуя про себя, ответила мама.

— Не-ет, но я могу сбежать, — сказал он, оставаясь довольным собой.

— Давай, беги.

Мама поспешно выпроводила его. Защёлкнулась дверь, и она поняла, что ни за что не впустит его больше. В углу коридора лежал Олесин портфель.

“Возвращайся к себе домой”, — написала она Паше СМС. Он несколько раз позвонил — она не взяла трубку.

Зайдя на кухню, мама первым делом достала сковородку с мясом и, не перекладывая в тарелку, начала есть.

Ну, а что делать? Первый сорт уже давно разобран. Но на хороших она раньше не смотрела, да и сейчас бы, положив руку на сердце, не взглянула,

как бы здравый рассудок ни подсказывал. Так она в школе послала страшного одноклассника. А он единственный, кто ей за всю жизнь подарил украшение, не считая мужниного обручального кольца. Серебряный кулон сердечком... Так, как он, никто не ухаживал и так долго её не добивался. Не побоялся, на выпускном признался, стих рассказал даже. Наверно, сам сочинил. А сейчас в Москве, хорошо зарабатывает. И симпатичным стал.

Обычно воспоминания об упущенных мужчинах не вызывали большого сожаления, но не сейчас.

За просмотром очередной серии мелодрамы по кухонному телевизору, бабушка не торопясь состряпала ещё одну сковородку котлет. Олеся бегала то в зал за компьютер, то к бабушке на кухню.

— Баб, а ты во сколько лет замуж вышла? — спросила вдруг Олеся.

— За деда-то? — переспросила бабушка, будто вспоминая. — За деда, Царствие ему Небесное, я вышла, когда мне двадцать семь было, — облокотившись на подоконник, с нежностью начала рассказывать она. — Засиделась я тогда в девках... Мать моя, покойница, Царствие ей Небесное, не хотела меня отдавать, не молод ведь был он уже, да ещё разведённый. В то время это ого-го! — погрозила бабушка пальцем, подумав, что сказала лишнего. — Не то что сейчас, творят, что хотят.

— Ты его любила, баб? — заинтересовалась Олеся.

— Любила, не любила, дом уже свой хотелось, очаг, — строго сказала бабушка, думая, что рано Олеся ещё про любовь-то спрашивать. — А он, конечно, ухаживал хорошо, ни на шаг не отходил. Я тогда девка добротная больно была, круглолицая, и не думала, что глаз на меня кто положит. А он положил, в душу смотрел... Не на внешность смотреть надо, вот так вот.

— Жили-жили, не тужили, — вздохнула бабушка после недолгого молчания, — и прибрал его Бог, сердечко слабенькое было. Упокой душу раба Божьего, — бабушка перекрестилась и поклонилась иконе Божьей Матери, стоявшей на подоконнике.

— Жизнь-то она штука тяжёлая, хоть и простая, проще некуда, Олесянька. Господа почитай, да мать свою люби и слушайся, — бабушка погладила её по голове.

Надеясь ещё что-нибудь интересное услышать, Олеся не торопилась идти в зал. Но казалось, заговорив о Боге, бабушка уже не вернётся к прежнему разговору, не расскажет, как же именно дед её любил. Олеся хотела ещё спросить, как же слушаться мать, если бабушкина мать не хотела её выдавать замуж, но было неудобно — бабушка уже занялась вдруг обнаружившейся пылью на иконе.

Стукнула входная дверь.

— Это я, — торопливо и громко назвала себя мама.

— Мама-а! — подбежала к ней Олеся.

— Ух ты, как рано! Даже не позвонила! Нагулялась уже? — вышла из кухни радостная бабушка.

— Собирайся, Олеся, — мягко скомандовала мама.

— Да посиди немного-то, поешь, котлет ещё нажарила. А то только бегаешь туда-сюда.

— Мама, да, давай посидим! — подумала Олеся о том, что как раз не досмотрела мультяк, и побежала в зал за компьютер.

Мама с бабушкой сели ужинать.

Накладывая котлеты, бабушка предложила добавить сметаны, но мама торопливо отказалась. “Со сметаной-то вкуснее”, — пыталась её уговорить бабушка. “Нет уж, спасибо”, — усмехнулась мама. Бабушка, вспомнив, с каким аппетитом кушала Олеся эти котлеты, с болью подумала, что поздно уже что-то говорить. Дочь её больше не слышит. Но чувство кровной и никем не отменяемой власти матерей над своими детьми было сильнее всяких мыслей.

— Нормального тебе мужика надо... У Надьки Топтырёвой сын ведь давно уж развёлся. Работящий, здоровый мужик, матери слова лишнего не скажет.

— Мама-а-а, — басом протянула мама.

— Ну, это по её вине он развёлся-то, она шалавила от него. А что “мама”? Ребёнку отец нужен, а не твои ушёл-пришёл.

— Уж лучше ушёл-пришёл, чем как вы с папой жили, — отрезала мама.

Бабушка молча взяла со стола соль и, не торопясь, посыпала котлеты на своей тарелке. Мама искоса наблюдала за ней. Бабушка принялась за свою котлету. Прошло несколько минут. Дожевав последний кусочек, она прервала молчание.

— А кто сказал, что жизнь лёгкая-то будет? Всякое было, что уж греха таить. И гулял дед, и шил. Но терпеть ведь вместе надо, а не к другим мужикам в отместку убежать.

— Терпее-ть? — удивилась мама. — А ребёнка тебе своего не жалко было? Когда папа меня ремнём хлестал? Когда он ко мне в школу пьяный ввалился? Нет, тебе не было меня жалко, ты и не спрашивала, как я себя чувствую!

Бабушка осторожно прикрыла дверь из кухни. Так у двери и осталась, не садясь.

— Только его жалела и около него бегала: Коленька, Коленька... — уже тише закончила мама.

Мама замолчала, остановив взгляд на старых часах с кукушкой, чтобы на чем-нибудь его остановить. Из её распахнутых глаз катились слёзы. Позади стояла бабушка.

— Всех было жалко. Такова судьба у нас, значит. И ведь вытащили деда-то... — бабушка положила руки на мамины плечи.

Мама нервными глотками стала пить чай.

— Как оттикают, так и умру я. Остановятся... значит, зовёт меня к себе. А ты же на кого с Олесенькой останешься? Что же я деду-то нашему горемычному скажу? Не сберегла, не пристроила? — спокойно и равномерно приговаривала бабушка.

Мама знала, что эти старые часы давным-давно были подарены бабушке как приданое. Но никогда раньше бабушка не говорила о них так — с полной верой в свои глупые и страшные мысли.

— Хоть какой, да один должен быть, постоянный, — как точку поставила бабушка.

Мама, ничего не ответив, продолжала смотреть на часы: стрелка слабо отмечала: тик...тик...тик...

На кухню заглянула Олеся.

— Ты чего прибежала-то? — не давая пройти к маме, нависла над ней бабушка.

Олеся сказала, что досмотрела мультик, но, заметив заплаканную маму, остолбенела: “Мам, ты чего?”

Мама, услышав про мультики, вдруг вспомнила про оставленный на столе дневник: “Уроки лучше бы учила, мультики она смотрит”, — сказала она и на последних словах, сама, не ожидая того, рассмеялась. Бабушка тоже начала улыбаться.

— Тройку схлопотала, да? — стараясь быть серьёзной, спросила мама.

Олеся опустила голову — вот он, настал этот момент. Но настал он совсем не так, как она того ожидала. И мама говорила совсем не так. Олеся даже почувствовала, что она вовсе ни в чём не виновата.

— Ладно, иди. В следующем году шкуру с тебя сдери, только попробуй у меня тройки получать, поняла?

Олеся, кивнув, убежала в комнату. Впервые она почувствовала такое облегчение, вдруг явившееся после стольких переживаний. Но отчего же плакала мама... Этот вопрос зародил в ней новый страх.

— Ишь, троечница! А я же спрашивала, как в школе, нормально, говорит... — продолжала ласково смеяться бабушка.

Они смеялись, глядя друг другу в глаза.

Бабушка провожала маму и Олеся взглядом, стоя у окна. Вот уже подошли к автобусной остановке и в ту же минуту затерялись в толпе ожидающих людей.

“Видимо, опять автобус сломался”, — подумала бабушка.

Она вспомнила, как с утра садилась на этой остановке, чтобы до рынка доехать. И тоже полным-полно людей было в автобусе. Кто сидел, кто стоял. Место уступил молодой совсем паренёк. И как-то робко так, даже стыдливо предложил: “Бабушка, садитесь”. Что он, интересно, думает, когда старых видит? Наверно, уже как на мёртвых смотрит. А все-то мы и живы, и мертвы одинаково. Все в шажочке друг от друга. Как в этом автобусе все вместе по жизни и едем.

Этот паренёк ещё не видит, а я всех вижу, каждого чувствую, каждый внутри меня есть. Потому как каждый из нас ребёночек чей-то. И у старух, и у мужиков больших мать есть.

Бабушка вспомнила свою матушку и, как сейчас, увидела её. Заходят они с Колей в дом, а матушка сидит на полу, чернику перебирает. Коля-то сразу: “Собирай, matka, приданое”. А матушка как встала, так и стоит, смотрит на них, будто ребёнок испуганный. То на одного посмотрит, то на другого. “Людка-а-а, — заголосила матушка, — дура ты, девка!..” — и заохала, хватаясь руками за голову. А сама двумя ногами-то на чернике стоит, придавила ягодки и не замечает.

“И все-то мы детки малые и детками останемся”, — прошептала бабушка.